

Е. В. ПОПОВА
(Ижевск)

РЕКИ И РОДНИКИ В ОБРЯДАХ И КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКЕ БЕСЕРМЯН

Аннотация. Статья посвящена представлениям о реке и роднике в мифологии и обрядах бесермян. Водные источники рассматриваются в контексте модели мира, в традиционных и современных обрядах, в ландшафтных представлениях.

Ключевые слова: река, родник, традиционное мировоззрение, картина мира, культурный ландшафт, календарные обряды, бесермяне.

Поклонение местным водным источникам (рекам и родникам) является частью традиционной и современной культовых практик бесермян, входит в структуру календарных обрядов, ритуалов сезонных земледельческих работ и связано с мифологическими представлениями и пространственными параметрами традиционной картины мира. Места, где проходили многие обряды, находятся вблизи почитаемых источников и рек, имевших и функцию сакрального центра.

Селения бесермян расположены на берегах левых и правых притоков реки Чепцы, которая впадает в Вятку. Характерен приречный тип заселения с одновременным основанием деревни на крупном роднике с питьевой водой. Реки и родники являются важными ресурсами жизнеобеспечения, определяют ландшафтные особенности и планировку селений, во многом — размещение культовых объектов относительно верховьев или низовьев. В сюжетах многих исторических преданий бесермян река выступает как важный объект в поиске и выборе удобной для основания селения территории и как путь, по которому прибыли первые поселенцы.

Обряды около водоемов и родников включали просьбы о содействии в хозяйственных делах, хорошей погоде и благосклонном отношении реки и Хозяина воды к жителям селения. Во вре-

мя моления обращались к реке, клали у воды приготовленные блюда, хлеб и ритуальную кашу. Особое отношение к рекам и некоторые традиции отчасти сохраняются и в наши дни.

Моления около водоемов проводили в определенные периоды года — замерзания реки и наступления ледохода, в чрезвычайных ситуациях (засуха, продолжительное ненастье). С поклонением местным рекам и Вукуз'о (Хозяину воды) связано назначение и формирование специальных сакральных объектов. Каждое селение имело такие места около наиболее полноводной реки, деревенского ключа. Культовые объекты, где проходило ежегодное моление у реки, назывались «место, где совершают моление с гусем», «место, где приносят гуся». Они расположены у ближайшей реки или небольшого ручья, если вблизи поздних селений не было крупной реки. В отдельных деревнях таким объектом был деревенский ключ, откуда жители брали питьевую воду. Наличие родника, даже при проведении обряда на берегу реки, было необходимо. Источник имел не только сакральное, но и практическое значение, из него брали воду для приготовления ритуальных блюд.

В народной мифологии и космогонических представлениях реки и родники связаны с небесной сферой и служат источником для пополнения «небесной влаги». Считалось, что такие природные осадки, как дождь и град, образуются на небе и оттуда посылаются на землю верховным богом Инмаром. Так, смену времен года, появление града и снега объясняли тем, что у Инмара есть труба, с помощью которой он вытягивает из земли влагу и уже на небе готовит к зиме снег. Он шлет людям несвоевременные осадки и град за жизненные грехи, неумение жить по традиции [НОА УИИЯЛ. РФ (Антуганов). Оп. 2Н. 1920-е гг. Д. 391. Л. 29].

Взаимосвязь родников и рек, неба и суши прослеживается и в представлениях о радуге. Полагали, что с ее помощью на небо попадает влага. Радуга «тянет» воду из водоемов на небо, опускаясь одним концом дуги или обоими

в разные источники: «*Один конец ее в реке, а другой наверху*» (Зап. от Елизаветы Гавриловны Зямбахиной, 1925 г. р., д. Турчино, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 2000 г.) [ЛА], «*Она и в самом деле из одной реки в другую тянется*» (Зап. от Марии Васильевны Сабрековой, 1932 г. р., д. Шамардан, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 2000 г.) [Там же], «*Радуга выходит из самой середины родника. Потом в небе уже переливается*» (Зап. от Ирины Кирилловны Малых, 1907 г. р., д. Жувам, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 2001 г.) [ЛА]. Благодаря радуге, по народным представлениям, вода попадает на небо и затем падает на землю в виде дождя и наполняет вновь реки: «*Называют радугу вуйиис'* (букв.: «пьющая» воду). *Она появляется после дождя. Говорили, что ее конец опускается в речку пить воду. У нас ее называли красивой дугой. Вон красивая дуга. Она часто выходит, если дождь перевалами идет. Вот, мол, воду она из какой-то реки снова берет. Из реки воду <она> берет*» (Зап. от Василия Николаевича Борисова, 1928 г. р., д. Шамардан, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 2000 г.) [ЛА]; «*Она берет из реки воду для дождя. Вот выходит радуга. Говорят, что вышла брать воду для дождя*» (Зап. от Р. М. Караваевой, 1926 г. р., д. Шамардан, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 2000 г.) [ЛА].

Во многих обрядах основополагающую роль играют космогонические представления и структурирование пространств в рамках традиционной модели мира, где река соединяет важные составляющие — верхний и нижний миры, верховья и низовья, небо и землю. Река объединяет разные части осозаемого и освоенного пространства и ландшафта, выполняет функцию дороги, соединяя в мифологическом и практическом смысле территории выше и ниже деревни относительно ее течения. От нее зависят погодные условия и как результат — урожай на полях и благополучие человека.

Верховья рек наделяются позитивной и положительной характеристикой, низовья ассоциируются с «иным» ми-

ром, куда уходят болезни, а весенняя вода и лед «уносят несчастья и тяжелую жизнь». Это ярко проявляется в обрядах проводов льда и вешней воды. Отправить что-либо вниз по течению реки — значит избавиться от негодных предметов, болезней или несчастья. Например, в Великий четверг утром дети обходили жителей деревни, повязывая на запястье нитки, чтобы спустя несколько дней отправить их вниз по реке или по ручью, полагая, что вода унесет болезни: «*Нитки повязывают утром в Великий четверг. Дети ходят за нитками. Потом эти нитки по воде отправляли. Некоторые и сейчас так делают. Шелковые нитки повязывают разные — желтые, зеленые, синие, черные*» (Зап. от Николая Александровича Зянкина, 1921 г. р., д. Филимоново, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 2000 г.) [ЛА].

Вниз по течению реки, иногда с песнями, отправляли насекомых (тараканов, клопов), от которых хотели избавиться: «*Клопы и блохи иногда заводились... Во время ледохода, проводов льда этих клопов раньше провозжали. Перед ледоходом их складывали в коробку инесли к реке. Пусть, говорили, со льдом уйдут. Да разве уйдут? Их надо выводить*» (Зап. от Любови Андриановны Вершининой, 1932 г. р., д. Жувам, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 2001 г.) [Там же].

Противопоставление верховьев и низовьев реки как важных в семантическом плане пространств и в наши дни сохраняется в поверьях о святочных духах *вожо*, регламентации поведения жителей деревни, структуре обрядов святочного цикла. В начале этого календарного периода, по народным представлениям, духи *вожо* приходят по реке с ее верховья, а с завершением Святков отправляются в низовье. Во время обряда «проводов» жители деревни с гармошкой и песнями, с продуктами и напитками, кашей провожают их до ближайшей реки, где прощаются с ними и опускают хлеб, кашу и напитки в прорубь. Прежде мельник специально открывал плотину, чтобы святочные духи ушли без препятствий.

С этим периодом связан строгий запрет пересекать реку, полоскать белье, находиться вблизи нее [Попова 2004, 177—182].

Река как дорога между мирами, а ее низовья как близкое к «иному» миру пространство фигурируют и в обрядах поминального цикла. Так, в некоторых селениях поминальные блюда оставляли за огородами и около низовьев реки.

Верховье и низовье реки, обладая разными характеристиками, находят отражение и в других обрядах. Например, воду для лечения черпали по направлению потока, но не против течения, так как опасались «зачерпнуть болезнь». Это правило связано и с традицией отправлять по реке предметы, имеющие отношение к ритуалам очищения. Так, во время весеннего обряда *арафа* (букв.: канун) перед выходом на посев обходили дома односельчан и, постукивая в избе деревянной колотушкой, выгоняли болезни и злых духов. Затем, спустившись к реке, стучали по специально приготовленному бревну, исполняли напев, после чего колотушки и бревно выбрасывали в реку и с песнями провожали их вниз по течению [Нуриева, Попова 2002, 175—189]. Символика этих действий обусловлена представлениями о том, что река уносит болезни, старый год и затем начинается обновление пространства, новый земледельческий цикл. Здесь, как показывает материал, понятия «верховье/низовье реки», находясь в семантическом поле такой оппозиции, как верх/низ, определяют структуру обрядов, формирование сакральных объектов и ритуальных действий.

Первые моления в календарном году на берегу реки совершали с началом ледохода, когда, по народным представлениям, «река просыпалась». Начало ледохода и открытие рек как важный момент в хозяйственной и земледельческой жизни сопровождалось обрядом *йэ кэл'ан* (проводы льда), *ву кэл'ан* (проводы воды). Он проходил у реки, и сроки его проведения зависели от погодных условий и состояния льда (конец мая и начало апреля). Отметим, что «временем активности» Хозяина

воды считали именно период с начала ледохода и до замерзания рек. Во время моления обращались к реке и Хозяину воды, лили в воду напитки, клали хлеб, бросали монеты: «*Проводы льда у нас устраивали. Ходили к реке проводить лед. Стоим у реки. Жжем костры на берегу. Пели песни разные. Кое-чего, например деньги, кидали по воде для Хозяина воды Вукуз'о. И сейчас, переправляясь после ледохода первый раз через реку, отправляем по воде деньги. Иначе он в воду затаяет*» (Зап. в д. Гордино, Балезинский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 1999 г.) [ЛА].

Во время этого обряда на берегу устраивали трапезу, веселились, обращаясь к реке, исполняли приуроченные к этому событию специальные «напевы проводов льда»: «*Спускались к реке и пели там "напев проводов льда". Костер разводили. <...> В воду лили вино, брагу. Как во время выхода на посев, стелили скатерти, ели и пили. Под гармошку плясали. Весело было. В какую сторону вода бежит, в ту сторону лили самогон. Кланялись, просили, чтобы всё плохое ушло по воде, а хорошее осталось. Весной это проходит. В апреле. Может быть, в мае, как снег растает. После этого срока уже не проводят. Говорят, что поздно и прока не будет. <...> У воды собирались и там пели. Пели песню, проводжая воду. Пели и плакали все мы. Так проводжали*» (Зап. от Марии Алексеевны Пономаревой, 1927 г. р., д. Коротай, Глазовский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 1999 г.) [ЛА].

«Пробуждение» реки и проведение обряда были знаковыми моментами в структуре земледельческого года, маркировали сезонное изменение ландшафта и оживление природы, отмечали важные состояния реки. Назначение обряда видели и в том, что река уносила накопившиеся в течение зимы и года болезни и несчастья, поэтому многие действия этого обряда имели и очистительные функции: «*Пусть вода болезни унесет*»; «*Здоровыми нам быть*»; «*Не болеть*». Обряд также служил гарантией стабильной погоды летом, обильных и своевременных осадков: «*Если лед хорошо и дружно уходит, погода стоит хоро-*

шей»; «Лед провожаем, чтобы летом погода была ясной, дожди шли в срок». Обращение к реке и Хозяину воды считали залогом его благосклонного отношения к человеку и домашним животным: «Весною, когда тронется лед, домохозяин с семьею своею, и пивом, и кумышкою идет на берег реки или на мост и, оттуда стакан пива и рюмку кумышки вылив в реку, как бы потчует ее, приговаривает, чтоб вода прошла благополучно, ничего не повредила и чтоб никого у него не взяла, то есть чтоб в будущее лето никто из семьи его не утонул. После чего начинается взаимное угощение, оканчивающееся песнями и пляскою парней и девок» [Архив РГО. Р. 10 (Сатрапинский К. А.). Оп. 1. Д. 48. Л. 30об.]. Эти представления остаются актуальными и в наши дни.

Важным элементом обряда «проводов льда» были действия в отношении низовьев и верховьев реки. Они имели разное семантическое значение. Например, против течения в направлении верховьев стреляли из ружья, чтобы летом избежать гроз и проливных дождей. Напитки выливали вниз по течению: «Шли к реке. Пели напев проводов льда. Костер разводили. <...> В воду лили вино, брагу. Как на праздник акаяшка <выход на посев>, стелили скатерти, ели, пили. Под гармошку плясали. В каком направлении вода течет, в ту сторону лили самогон. Кланялись реке и просили, чтобы всё плохое ушло по воде, а хорошее осталось» (Зап. в д. Коротай, Глазовский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 1999 г.) [ЛА].

Обряд проводов льда повсеместно бытовал во второй половине XX в., кое-где сохраняется и в наши дни. Подобная традиция встречалась и среди соседей бесермян — удмуртов, особенно в деревнях вблизи больших рек [Первухин 1888, II, 41; Верещагин 1998, 221—223; Миннихметова 2000, 38—39].

Равновесие в природе, состояние погоды и осадки зависели, по народным представлениям, и от соблюдения пространственных и временных запретов по отношению к рекам и родникам. В периоды летнего и зимнего солнцестояний соблюдались запреты, нарушение которых могло привести к

неблагоприятным погодным условиям, стать причиной гроз и ураганов, повлиять на урожай. Например, во время летнего солнцестояния запрещалось полоскать белье на реке, купаться, брать воду железной тарой, что, как считали, могло вызвать грозы и ненастье: «В гэрбэр (солнцестояние. — Е. П.) нельзя стирать в обед. Можно только после полудня в три-четыре часа. Если это правило нарушить — побьет градом урожай в поле» (Зап. от Дарьи Алексеевны Малых, д. Жувам, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 2000 г.) [ЛА]; «Когда рожь идет в стебель, то белье на реке нельзя полоскать. Погода портится. Гремит. Молнии сверкают» (Зап. от Марии Васильевны Сабрековой, 1932 г. р., д. Шамардан, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 2000 г.) [ЛА]. Летом запрещали купаться в полдень, полагали, что в это время Хозяин воды выходит из реки, чтобы «свездить на базар за разными покупками», «может затащить в воду». Эти правила соблюдаются в ряде селений и в наши дни.

Воду во время летнего солнцестояния старались черпать берестяным туском, деревянными ведрами, которыми уже не пользовались во второй половине XX в., но специально держали для этих целей даже после их выхода из обихода. Около рек и родников запрещали шуметь, греметь и пользоваться грязной посудой. Подобные запреты, связанные с летним солнцестоянием, существовали и у других народов региона [Владыкина 1998, 84; Плетнева 1999, 245—249; Глухова 1999, 117]. В некоторых селениях бесермян эти меры соблюдали до Ильина дня или до 14 августа — Первого, или Медового, Спаса. Это время называли *ву вълън сълон* (стояние на воде). Крещение и обряд зимой на реке у проруби воспринимались как противоположные ему по семантике значению периоды года, и они назывались *йэ вълън сълон / йэ вълън сьн* (стояние на льду).

Среди летних обрядов, проводимых около рек или деревенского ключа, следует отметить существовавшее прежде моление с заклинанием бычка красной

масти. Этот деревенский обряд и трапеза проходили после Ильина дня. Накануне, первого августа, в каждой семье приносили в жертву барана, затем родственники наносили друг другу визиты, сопровождавшиеся трапезами. Второго августа — в Ильин день — посещали кладбище, а третьего августа устраивали деревенское моление — *ву дорън ошти с'ийон* («есть бычка около воды»): «На другой день после Ильина дня приносили жертву водяному. Покупали рыжего бычка и закалывали на берегу реки. Кровь выливали на землю. Женщинам ходить туда не разрешали» [НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2Н. Д. 433. Л. 29—30]; «Ильин день — праздник для умерших. Здесь снова на второй день красного бычка закалывают, это уже для Вумурта (Хозяина воды. — Е. П.). Закалывают у реки, кровь в речку выпускают» [Бянова 1946. Л. 7]. В таком деревенском молении участвовали только мужчины. Судя по имеющейся информации, обряд повсеместно встречался в первой половине XX в.

Моления у реки и поклонение Хозяину воды проводили и при чрезвычайных обстоятельствах — в летнюю засуху, в случае длительного ненастья, чтобы «наладить» погоду (Зап. в д. Жувам, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 2001 г.) [ЛА]. С целью вызвать дождь в некоторых селениях моления у родника в порядке очередности ежегодно устраивал каждый домохозяин [Шутова 2004, 159].

Закрывало цикл летних обрядов на реке специальное осеннее моление. Бесермяне совершали его в конце октября — начале ноября до замерзания реки и обряда, завершающего годовой цикл, который проходил в деревенской священной роще (до Дня Кузьмы и Демьяна — 14 ноября) в честь Хозяина леса. Полагали, что Хозяин реки с замерзанием водоемов и до наступления весеннего ледохода и половодья «уходит отдыхать» и «спит»: «До Кузьмова дня старались моление с гусем провести. У воды закалывают, чтобы гуси велись. У родника варили. При колхозах стали дома приносить <гуся>. Варили <ели> только с семьей, без посторонних» (Зап.

от Тамары Семеновны Балтачевой, 1937 г. р., д. Тылыс, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 2000 г.) [ЛА].

Цель такого осеннего обряда — поклониться всем местным рекам и родникам, отблагодарить *Вукуз'о* (Хозяина воды) за покровительство и помощь летом, заручиться его поддержкой на предстоящий год: «*Это для воды закалывают. Совершали <моление> у реки. <...> Закалывали гуся. Гусей в прежние годы держали много. Закалывали гуся осенью. Почти все жертвоприношения совершали осенью. Гуся приносили у воды, чтобы скотина хорошо паслась и не утонула. Она и через год снова пойдет <на выпас>, пить будет из реки, переходить через нее. Говорили, обращаясь к Хозяину воды и реке: "Хлеб пусть удастся. Скот пусть хорошо живет. Пусть сами живем благополучно"*» (Зап. от Елизаветы Гавриловны Зямбахтиной, 1925 г. р., д. Турчино, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 1991 г.) [ЛА]. Совершая обряд, стремились уберечь от несчастья членов семьи: «*Каждый год осенью у воды закалывают гуся. Кровь, мол, пускаем для Хозяина воды, чтобы к себе в воду не забрал*» [Антуганов 1920. Л. 80].

Ежегодный осенний обряд поклонения родникам и рекам, Хозяину воды следует рассматривать как почитание всех водных источников данной местности: «*Около реки закалывают <жертву> для всех речек, а потом уже лед <закрывается>*» (Зап. от Клавдии Алексеевны Гавриловой, 1932 г. р., д. Ворца, Ярский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 2009 г.) [ЛА].

Каждая семья проводила моление и трапезу отдельно. Обрядом руководил мужчина, обычно хозяин или старший в семье, вместе с которым к реке шли несколько человек: «*Около воды старики кто-нибудь закалывали гуся для Вукуз'о (Хозяина воды)*»; «*Старики ходили, молодежи там нет*»; «*У нас дед ходил. Меня брал с собой*». В качестве помощников допускались дети, в основном мальчики, изредка брали и девочек.

Осенний обряд предполагал моление с водоплавающей птицей, приготовленные ритуального блюда (мясо и каша из

ячневой крупы на бульоне) и поклоне- ние реке (роднику). Обычно в жертву приносили гуся, реже — утку. Отсюда и название моления — «есть гуся», «жертвоприношение гуся Хозяину воды», «приносить <жертву> воде», «закалы- вать <жертву> воде». Такой выбор объ- ясняли «взаимосвязью» птицы с водной стихией: «*Приносят птицу, которая по воде плавает*». Это моление связывали и с приплодом водоплавающей птицы, которая находилась летом у реки и, как считали, «была под присмотром Хозя- ина воды»: «*Гусей закалывали у реки, чтобы гусята в реке не тонули. Собира- лись с семьей и это мясо ели только со своими. В последние годы мясо готовили дома, но пух, кости, кашу и краюху хле- ба везли обратно на реку. Оставляли на берегу около реки*» (Зап. от Елизаветы Гавриловны Зямбахтиной, 1925 г. р., д. Турчино, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 1995 г.) [ЛА]; «*Кровь птицы пускают в воду или на землю. Говорят, чтобы гуси хорошо жили, не потерялись. Этим словно благодарят за присмотр <птицы>*» (Зап. от Георгия Иосифовича Невоструева, 1918 г. р., д. Жувам, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 1990 г.) [ЛА].

Домохозяин приходил к реке со своей птицей, совершал моление и варил ритуальную кашу (суп) отде- льно. Птицу потрошили и разделява- ли на берегу, здесь готовили и блю- до. Кровь птицы следовало спустить в реку. Это действие называлось «зака- лывать <птицу> в реку», «выпускать кровь <птицы> в воду» и было важной частью моления и принесения даров: «*Если закалывают гуся для Вукуз'о. <...> Несут гуся вечером к реке, зака- лывают у воды, а кровь пускают в воду. Варят гуся дома, а кости и всё осталь- ное бросают в воду*» (Зап. от Марфы Степановны Невоструевой, 1916 г. р., д. Жувам, Юкаменский р-н, УР. Соб. Е. В. Попова. 1987 г.) [ЛА]. С мясом птицы в воду спускают и другие риту- альные блюда и предметы: «*Бесермяне каждую осень приносят в жертву вод- дяному гуся или утку. При этом кровь, кости, часть мяса и один хлебец броса- ют в воду*» [Емельянов 1921, 128].

Судя по поздним материалам, обра- боткой гуся, приготовлением ритуаль- ного кушанья постепенно стали зани- маться дома, что было отчасти связано с существовавшими запретами на про- ведение молений. Трапезу проводили уже в избе, однако кости, перья, кашу и ломоть хлеба уносили обратно к реке и опускали в воду. Ритуальное блюдо, мясо не давали чужим. Следили, как и при других молениях, чтобы в трапезе не участвовали чужие, а части жерт- венной птицы не попали в блюда, при- готовленные в другие дни, и не были поданы посторонним, иначе, как пола- гали, от моления не будет прока, а из хозяйства уйдет достаток.

В зимний период обряды около рек и родников прекращались, так как счи- тали, что «река засыпала». Лишь в пе- риод Святка и Крещения у реки про- ходил обряд проводов святочных духов *вожо*. По народным представлениям, в это время они уходят под лед и отпра- вляются вниз по реке, чтобы вновь вер- нуться летом. Так, в мифологии, риту- альных действиях и сроках проведения обряда важное место занимает разме- щение селения относительно истоков и устья, верховьев и низовьев реки. В деревнях, расположенных в верховьях рек, святочных духов *вожо* провожали 18 января, а на следующий день — в низовьях. На Крещение и во время обряда запрещали пересекать реку и находиться вблизи нее. Ритуал «прощания с *вожо*» и в настоящее время включает трапезу в доме, затем ее участники идут к реке, где кладут на берегу или в специально вырубленную прорубь кусочки пищи, хлеб и выливают напитки (Зап. в д. Ша- мардан, Юкаменский р-н, УР. 1994 г.; в с. Ёжево, д. Усть-Лем, Юкаменский р-н, д. Ворца, Ярский р-н, УР. 2009 г.; в с. Юнда, Балезинский р-н, УР. 2010 г. Соб. Е. В. Попова.) [ЛА]. В некоторых деревнях сохраняется традиция зажигать на льду реки или на берегу три лучины или пучок соломы. До середины XX в. проводилась общая трапеза в одной из крайних изб (расположенных ближе к озимому полю), а затем «провожали» святочных духов и прощались с ними у реки [Попова 2004, 177—182].

Приобщение к деревенскому роднику, поклонение Хозяину воды входит и в структуру семейных обрядов, например, было и остается частью свадебной церемонии. Описание такой традиции посещения родника впервые было сделано еще в конце XIX в.: «На третий день после свадьбы к молодым приходят поездежане с музыкантами и все вместе отправляются на реку или к проруби, если дело проходит зимой. Здесь молодая бросает в воду кусок хлеба, масло и медную монету, произнося по-бесермянски следующую фразу: “Чтобы вода меня не пугала, обмывала, и не хватал бы вумурт (водяной)”» [Штейнфельд 1894, 247]. Этот обряд мало изменился за последние десятилетия. После переезда в дом жениха невестка в сопровождении родственников идет к ключу, откуда деревня или семья ее мужа берет воду, где и происходит обряд поклонения источнику и Хозяину воды. Иногда этот ритуал кое-где проходит около колодца, а в поздней традиции и возле колонки. Церемония называется «кланяться роднику», «кланяться реке». В ручей, стекающий из ключа или рядом с водой, кладут хлеб, кидают монеты. После церемонии кто-либо из пожилых родственников черпает воду, умывает невестке лицо, обливает обувь новобрачных. Затем молодая набирает воду, и процессия возвращается в дом. Это моление с деньгами и хлебом, согласно объяснениям жителей, совершали, чтобы Хозяин воды не «испугал» невестку, а считал ее своей. Возвращающихся от родника встречают у ворот, а невестка угощает всех принесенной водой. Затем воду кипятят и к столу подают чай. Подобный обряд поклонения источникам, божествам-хранителям воды и хождение невестки за водой встречался у многих народов края (удмуртов, русских, татар) [Ильин 1926, 59; Зорин 1981, 122–123; Белицер 1958, 308]. Всё это подчеркивает особый статус рек и родников в разных сферах жизни деревенского сообщества, их ритуальное и хозяйственное значение.

Почитание рек, родников и Хозяина воды, поклонение им, культовая практика связаны с традиционными пред-

ставлениями о природе, водной стихии, осадках и входят в годовой календарный цикл, являются частью космогонических представлений. Информация об обрядах сохраняется и передается в виде устной традиции, бытует в форме топонимов, не утратила своей актуальности в народной лечебной практике, экологических и ландшафтных знаниях. Моления и обращения к реке (роднику) отдельные семьи совершают и в наши дни. Эту традицию длительное время сохраняли люди, чья работа проходила около рек (мельники, пастухи) или была связана с водоемами. Почитание местных рек встречается в повседневной и праздничной культуре, верованиях и во многом полисеманлично. Восприятие рек как объектов ландшафта и культовая практика выстраиваются на основе практических знаний и их хозяйственного назначения, но во многом базируются и на мифологической интерпретации в рамках космогонической модели мира.

Литература

Антуганов 1920 — Антуганов [инициалы неизвестны] // НОА УИИЯЛ. Рукописный фонд. Оп. 2Н. 1920-е гг. Д. 391.

Белицер 1958 — Белицер В. Н. Очерки по этнографии коми // ТИЭ. Новая серия. М., 1958. Т. 14.

Биянова 1946 — Биянова М. История народа бесермян // НОА УИИЯЛ УрО РАН. Рукописный фонд. Оп. 2Н. 1946 г. Д. 391. [удмуртский текст].

Верещагин 1998 — Верещагин Г. Е. Старые обычаи и верования вотяков Глазовского уезда // Г. Е. Верещагин. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Этнографические очерки. Кн. 1. Ижевск, 1998. С. 206–239.

Владыкина 1998 — Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998.

Глухова 1999 — Глухова Г. А. Rites de passages Удмуртского обрядового календаря // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии. Межвуз. сб. науч. трудов. Ижевск, 1999. С. 117–124.

Емельянов 1921 — Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921. Вып. 3.

Зорин 1981 — Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981.

Ильин 1926 — *Ильин М. И.* Свадебные обычаи и обряды у вотяков // Труды научного общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1926. Вып. 2. С. 25—69.

Миннихметова 2000 — *Миннихметова Т. Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000.

Нуриева, Попова 2002 — *Нуриева И. М., Попова Е. В.* *Арафа крезь* в бесермянской песенной традиции // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Ижевск, 2002. С. 175—189.

Первухин 1888 — *Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. Эскиз II. Вятка, 1888.

Попова 2004 — *Попова Е. В.* Календарные обряды бесермян. Ижевск, 2004.

Попова 2011 — *Попова Е. В.* Культурные памятники и сакральные объекты бесермян. Ижевск, 2011.

Плетнева 1999 — *Плетнева И. Н.* К семантике удмуртского *вожо* // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии. Межвуз. сб. науч. трудов. Ижевск, 1999. С. 245—249.

Сатрапинский 1854 — *Сатрапинский К. А.* Вотяки и бесермяне, проживающие в приходе и селе Укан Глазовского уезда // Архив Русского географического общества. Разряд 10. Оп. 1. 1854 г. Д. 48.

Штейнфельд 1894 — *Штейнфельд Н. П.* Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895. Вятка, 1894. С. 220—259.

Шутова 2004 — *Шутова Н. И.* Святотелища в окрестностях деревни Малый Дасос: К вопросу о типологии и семантике бесермянских культовых мест // Культурные памятники Камско-Вятского региона: Мат. и исслед. Ижевск, 2004. С. 154—166.

Сокращения

ЛА — личный архив автора.

НОА УИИЯЛ — Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

ТИЭ — Труды института этнографии.

Summary. The article presents the notions of the river and the spring in traditional worldview and ceremonies of the Besermyans. The natural streams are analysed in the context of world model, traditional and modern ceremonies, landscape representations.

Key words: river, spring, traditional worldview, world picture, cultural landscape, calendar ceremonies, Besermyans.

М. Н. ПИВОВАРОВА
(Самара)

ПРАЗДНОВАНИЕ НАВРУЗА В СООБЩЕСТВАХ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В САМАРЕ

Аннотация. В статье на примере празднования Навруза рассматривается трансформация и функционирование праздничной культуры среднеазиатских трудовых мигрантов, проживающих в г. Самаре. Сопоставляются традиции празднования Навруза в странах — донорах миграции (Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане) и России. Автор также фокусирует внимание на нововведениях и деструкциях в традициях встречи Навруза.

Ключевые слова: трудовая миграция, праздничная культура, Навруз, национальная кухня.

В этнической и социальной культуре Вре праздник во многом представляет собой квинтэссенцию способов и форм совместной публичной реализации как духовных, так и материальных потребностей народа. По словам А. Э. Негмати, «природа наравне с происхождением, содержанием и значением того или иного торжества определяется, прежде всего, степенью использования вещественных и духовных результатов трудовой активности людей» [Негмати 1989, 13], зависимостью его от способа производства и совокупности социально-экономических отношений той или иной эпохи. Праздникам свойственно отражение бытовых традиций и мировоззрения людей, по сложившимся праздничным ритуалам можно отчасти проследить нормы морали и права, отдельные аспекты воспитания и эстетики, существующие у того или иного народа. Праздничная культура, даже в своем осовремененном урбанизированном виде, несет в себе отголоски народных традиций, которые, по мнению К. В. Чистова, представляют собой «механизм аккумуляции, трансмиссии